

КИРАН КРАМЕР

Сказки герцогу

«да»

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 77

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Kieran Kramer
SAY YES TO THE DUKE

Перевод с английского А.И. Вальтер
Компьютерный дизайн А.С. Смирнова

В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press, LLC
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Крамер, Киран.

К 77 Скажи герцогу «да» : роман / Киран Крамер ; [пер. с англ. А. И. Вальтер]. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-084350-3

Знатная англичанка, влюбленная в ирландского красавца конюха... В Англии это сюжет для пикантных анекдотов, в Ирландии — для душещипательных баллад. Но что же делать Дженис Шервуд, для которой любовь к дерзкому, обаятельному Люку Каллахану — печальная реальность?

А ведь Дженис предписывалось во время каникул у вдовствующей герцогини любой ценой завоевать благосклонность ее внука, герцога Холси, и затащить под венец!

Что, если о тайном романе узнают в свете? Позор? Скандал? Изгнание из приличного общества? Но даже рискуя добрым именем, Дженис не готова отказаться от мужчины, покоровшего ее сердце!

Девушка и не подозревает, кто скрывается под маской простолоудина...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-084350-3

© Kieran Kramer, 2013
© Перевод, А.И. Вальтер, 2014
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

Глава 1

Леди Дженис Шервуд — та самая, старшая сестра которой отличалась ослепительной красотой, — ухитрилась, хоть и не совсем элегантно, прокружиться в буквальном смысле слова несколько сезонов в Лондоне, однако так и не нашла себе мужа. Каждому известно, как в таких случаях поступает добродетельная юная леди, оставшаяся невосребованной: удаляется в сельское поместье в надежде, что по ней станут скучать. И само собой разумеется, если у нее достанет ума, за время пребывания там постарается пустить в ход все свое магическое очарование — и, может быть, даже привлечь внимание подходящего местного джентльмена.

Шансы на то, что внук вдовствующей герцогини, сказочно привлекательный герцог Холси, вдруг без памяти влюбится в Дженис, когда та заявится погостить к его бабушке, стремились к нулю. Но родители Дженис, зная о том, что он в это время должен находиться в поместье, при своих призовых лошадях, надеялись на невозможное.

— Этому никогда не бывать! — заявила Дженис, покидая Лондон в то морозное утро. — Чтобы я вышла замуж за герцога?

На редкость смехотворная идея. Ради всего святого! Дженис согласилась отправиться в деревню просто для того, чтобы какое-то время провести в тихой, спокойной обстановке.

— Если тебе суждено влюбиться, то почему бы и не в герцога? — совершенно серьезно сказала ее мать, а стоявший позади нее отец с важностью кивнул в знак согласия.

Они и в самом деле верили, что Дженис в ее униженном состоянии способна увлечь столь высокопоставленную персону. Что, конечно же, было в высшей степени трогательно, хотя и абсолютно несбыточно, как и все родительские надежды.

Скорее всего мечтам родителей о счастливом замужестве дочери не суждено осуществиться: в конце концов, три лучших поклонника бросили ее в прошлом сезоне, — но зато можно неплохо провести время. Поэтому когда у блестящей черной кареты лорда Брэди отвалилось колесо в самом начале длинной подъездной дороги, что вела к усадьбе герцога, Дженис отложила книгу и готова была пройти оставшуюся часть пути пешком. Оскар же категорически возразил: нет, ей следует оставаться на месте и ждать, когда он вернется с исправным экипажем из конюшен его светлости, «потому что дочери маркиза не пристало являться пешком к парадным дверям дома герцога, как и подъезжать в простой повозке».

Из всех кучеров Брэди только Оскар пользовался привилегией высказываться так свободно.

— Я думала, вы говорили, что в сельской местности с нами ничего не может случиться, миледи, — встревожилась ее камеристка Изобел.

О Господи! Наверное, Изобел тоже присвоила себе подобную привилегию.

— Ничего особенного не случилось, — заявила Дженис, надеясь, что уверенный тон придаст силы ее словам. Месяц, проведенный в деревне, позволит ей забыть невеселое время, когда она была неприметной серой мышкой, вклинившейся между блестящей красавицей Маршей и прелестной чаровницей Синтией, которой вскоре предстоял собственный дебют в свете. — Мы с тобой можем поиграть в карты, пока не вернется Оскар, разве нет?

— Хорошо, — согласилась служанка. — Но вы не слишком сильны в картах, миледи. Мне кажется, что вам больше повезет с герцогом, если мне позволено это сказать.

— Иззи!

— Неужели вы не хотите замуж? Каждая благородная юная леди мечтала бы о таком муже, если у нее имеется голова на плечах.

— Но я хочу выйти замуж только по любви!

К чему лукавить? Дженис не прочь выйти за герцога, но вряд ли на это можно надеяться при сложившихся обстоятельствах.

Изобел сдала карты и, высунув кончик языка, принялась их разглядывать, между прочим заметив:

— Должна сказать, полюбить герцога гораздо легче, чем кого-либо еще.

— Вопрос в том, насколько готов герцог обратить внимание на такую, как я, — пробормотала Дженис. — И мы обе знаем ответ.

— Ну не надо относиться к себе слишком сурово, — возразила Изобел. — Вы очень милая и симпатичная, миледи. И у вас была куча ухажеров в Лондоне.

— Вот именно, была, — вздохнула Дженис.

Изобел громко рассмеялась:

— Возможно, вы были чересчур прижимистой, когда речь заходила о поцелуях...

Похоже, так оно и было. Дженис вытянула карту: опять черви! — и заявила:

— Все, больше думать о любви не желаю! Это слишком необъятный предмет. — К тому же целоваться ей вовсе не понравилось: скучно и глупо, — и это открытие явилось для нее тяжелым разочарованием. — А теперь давай играть в карты, пока Оскар не вернулся. Клянусь, на этот раз я тебя обыграю!

Но пятнадцать минут спустя, когда дверца кареты открылась, Дженис уже снова проиграла, а взору ее предстал вовсе не Оскар. Насколько она смогла рассмотреть сквозь завесу неожиданно повалившего снега, незнакомец был высок и широкоплеч, лет двадцати пяти. Видимо, один из грумов герцога, предположила она. На нем был отлично скроенный практичный сюртук и просто завязанный галстук. Его угольно-черные волосы, спускаясь из-под бобро-

вой шапки, вились возле ушей, оттеняя гладко выбритый мужественный подбородок.

Неподалеку терпеливо стояла его лошадь.

Дженис резко выпрямилась и посмотрела незнакомцу в глаза, темно-синие, совсем как сапфир в кольце ее отца, в окружении густых черных ресниц. А губы... ах его губы! Будто из-под резца мастера: твердые, мужественные и такие же выразительные, как глаза, излучавшие глубокий ум, настроение и колоссальную неумную энергию, свидетельствующую о независимости, несмотря на простое платье.

Чуть искривленная линия орлиного носа подтверждала, что его обладатель в схватке-двух побывал, но притягательности совершенной мужской красоты незнакомца нисколько не уменьшала. В действительности его внешность просто потрясла Дженис, если учесть, что явился он вместо лопухого Оскара.

Изобел тоже сочла незнакомца крайне привлекательным, судя по тому, как уткнулась подбородком в толстый фиолетовый шарф с помпонами, который связала для нее Дженис.

В глазах мужчины мелькнул явный интерес, когда он пристально рассматривал лица дам, отчего сердце Дженис забилось чаще. С чего бы это? Подумать только, ведь он просто слуга и ему не подобает так смотреть на леди.

— Судя по всему, с вами все в порядке, так что обойдемся без любезностей. — Голос у незнакомца оказался приятным, с легкой горчинкой, как у кофе, который очень нравился Дженис. Она часто незаметно убегала из дому, чтобы полакомиться им, когда мама была занята и не следила за дочерьми. — Изложите цель своего приезда, красотки, поскольку никто не прибывает по этой дороге с добрыми намерениями.

— Как раз у нас намерения самые добрые. — Слова незнакомца оскорбили Дженис до глубины души. — Но мы уже так долго путешествуем с этими добрыми намерениями, что хотелось бы уже выбраться из кареты и выпить чаю с его светлостью и вдовствующей герцогиней.

Сердце ее глухо стучало, как табун жеребцов, галопом пересекающих долину. Она была не вполне довольна своим внешним видом — скромная темно-синяя накидка и соответствующая ей незатейливая шляпка. А волосы... она опрометчиво не потрудилась зачесать наверх несколько локонов, выбившихся из прически.

Странно, однако, но этот мужчина смотрел на нее так, словно видел перед собой самое обворожительное существо на свете. Это единственный мужчина, под взглядом которого она немедленно подумала о своем нижнем белье, вполне практичном, но со вставками тончайшего авиньонского кружева тут и там, сделанными мамой. Она же на каждой вещице вышила инициалы Дженис.

— Вы явно рассчитываете на большее, нежели чашка чаю с герцогом и вдовой. — Он улыбнулся, открыв взгляду крепкие белые зубы. — Мы не получали никаких известий о прибытии гостей, однако количество чемоданов говорит о том, что вы намерены остаться здесь на несколько недель.

— Вы непозволительно дерзки! — вспыхнула Дженис. — Но да, мы приехали не на чашку чаю, а собираемся пробыть здесь месяц.

Гордо выпрямившись на сиденье, Дженис, несмотря на раздражение, которое вызывал в ней этот нахал, вдруг ощутила безумное желание дотронуться до его лица, обхватить ладонью подбородок, просто чтобы удержать эту его улыбку и любоваться ею столько, сколько захочется. Все остальное в нем ее совершенно не трогало.

— Мы здесь по приглашению вдовствующей герцогини.

— Как такое могло случиться без вехома герцога? Она что, вообразила себя королевой?

Дженис буквально потрясли его слова.

— А что, только королевы приглашают гостей?

Брошенный скептический взгляд им вовсе не обескуражил ее.

— К вашему сведению, она все ясно и понятно изложила в своем письме. — Дженис произнесла это холодно, хотя внутри у нее все кипело: что значит — «возомнила себя ко-

ролевой»? — Оно в моем чемодане, и я готова показать его ответственному лицу, но уж никак не вам. И вообще: кто вы такой, скажите на милость? Фермер-арендатор? Или один из грумов герцога?

Мужчина надменно вздернул бровь и уже открыл рот, собираясь ответить, когда Изобел, ахнув, воскликнула:

— Да это же сам герцог!

— Иззи! — похолодела Дженис.

Губы незнакомца изогнулись в довольной усмешке.

— Я и в самом деле грум, однако мои обязанности не ограничиваются конюшной. Мне поручено охранять неприкосновенность этого поместья, поэтому не трудитесь выдумывать какую-нибудь нелепую историю, почему вам просто-таки необходимо здесь остаться. Я достаточно таких наслушался, уверяю вас.

Насмешливый блеск в его глазах необычайно нервировал Дженис. Что его так забавляло? И даже если была тому причина, как он смел смотреть на нее подобным образом? Она все-таки дочь маркиза, и хотя ей нечасто доводилось бахвалиться этим фактом, разве она не вправе требовать к себе по меньшей мере чуточку уважения?

Она окинула его надменным взглядом:

— Но мы не сделали ничего дурного. Вдовствующая герцогиня действительно пригласила меня погостить, и я могу это доказать. А вы самый дерзкий, непочтительный, — «и обворожительный», — грум из всех, кого я когда-либо встречала...

— Полагаю, ваш кучер ушел вперед с лошадьми, — спокойно перебил ее грум. — Эту дорогу содержат в безукоризненном порядке, так что здесь ней нет никаких рытвин или выбоин. Признавайтесь, которая из вас придумала этот трюк? Или это проделка вашего кучера? Письмо достаточно легко сбросить со счетов — кругом полно умельцев подделывать документы, — но сломанное колесо дает дополнительный шанс задержаться до тех пор, пока историю с письмом подвергают проверке. Замысловато-усложненная уловка, леди.

— Здесь нет никакой уловки, — горячо возразила Дженис, но ей трудно было продолжать на него сердиться.

Его же глаза тем временем наполнились бурным восхищением. Или, возможно, он против собственной воли почувствовал к ней уважение, но уважение совсем не того рода, к которому она привыкла, не то формальное показное почтение, которое ей обычно оказывали поклонники, слуги и вообще окружающие как падчерице маркиза.

Его уважение больше походило на то, которое она заслужила в детстве у своего старого друга Дикона. Когда ей было восемь лет, а ему девять, она умела балансировать на одной ноге гораздо дольше, чем он. И этот мужчина смотрел на нее точно так же, как будто она обладала особым талантом, неким мастерством, неповторимой сноровкой.

Но ведь так оно и есть, подумала Дженис: у нее действительно множество всяческих талантов и достоинств.

Это была важная и чудесная мысль — такие не посещали ее уже очень давно, — и уверенность девушки в себе значительно окрепла.

— Хотелось бы понять, что за шутку вы затеяли, любезный. Я леди Дженис Шервуд, а это моя камеристка, мисс Изобел Дженкинз.

— Из бродячего цирка Дженкинзов, — вставила Иззи с гордостью.

Грум удивленно приподнял бровь, но Дженис даже не подумала объяснить. Изобел никогда не упускала возможности напомнить о своих родичах и их необычном образе жизни, и никто не смел упрекнуть ее за это.

— Вы глубоко заблуждаетесь, предполагая, что мы оказались здесь под вымышленным предлогом и заранее спланировали это небольшое происшествие, — обвинительным тоном заявила Дженис, а он лишь лениво оперся о дверцу кареты, по-видимому, ничуть не тронутый ее гневными словами. — Не будь я так взволнована известием о недомогании вдовствующей герцогини, после того как мы едва не разбились в этой карете, обиделась бы еще больше. Кстати, вы до сих пор не представились.

— Люк Каллахан к вашим услугам. Спасибо, что поинтересовались. Вы первая из потаскушек, что набивались в гости к герцогу за те шесть недель, что я нахожусь здесь, кто пожелал узнать мое имя.

«О Господи! Эти глаза... Зрачки как маленькие черные бриллианты в окружении сапфиров радужной оболочки».

— Приятно познакомиться, мистер Каллахан... — Дженис вдруг судорожно сглотнула. — Минуточку, что вы сказали?

Она посмотрела на Иззи:

— Я не ослышалась — он назвал меня потаскушкой?

Изобел молча кивнула, глядя на нее широко раскрытыми глазами.

— Готов взять свои слова обратно, — лениво проговорил Каллахан, в тоне его не было и намека на сожаление, — если вы прекратите ломать комедию. Отправлять вас обратно уже поздно: снегопад предоставил вам прекрасный повод остаться, даже лучший, чем сломанное колесо, — но вам придется вести себя прилично, пока вы здесь.

— Прилично? — едва ли не выкрикнула Дженис. Она и так ощущала себя ужасно чопорной, что случилось с ней только тогда, когда происходящее было выше ее понимания. — Я не знаю, что вы имеете в виду, но это лишено всякого смысла. Абсолютно. Боже мой! Раскройте глаза: что непристойного во мне вы увидели? Шляпку, накидку? Они вполне пристойны...

— Ну полно. — Он сочувственно улыбнулся. — Мы с вами прекрасно знаем, что даже самые скромные вещи не в состоянии скрыть вашу страстную натуру.

— Мою... что? — Она шумно втянула воздух. — Если вы не перестанете говорить глупости...

— Позвольте объяснить доходчивее. — И не успела Дженис ахнуть, как Каллахан без излишних церемоний схватил ее за руку и с силой потянул на себя.

Сердце Дженис бешено забилося.

— Что вы делаете, во имя всего святого? Подумать только, что вы себе позволяете!

Потрясение мгновенно переросло в гнев, гнев побудил к действию, и она изо всех сил вцепилась в дверцу кареты. Ему, однако, хватило одного резкого движения, чтобы оторвать ее от экипажа и заключить в объятия, где она и затрепыхалась, как муха в паутине.

Изобел пронзительно вскрикнула как раз в тот момент, когда он ногой захлопнул дверцу кареты и опустил Дженис на землю.

— А вы неплохо подготовились, — даже с некоторым одобрением произнес Каллахан, продолжая крепко прижимать ее к груди. — Мало кому известно, что вдова находится в поместье. А это колесо... должно быть, вы готовы любой ценой добиться освобождения. От чего только, хотелось бы знать? Почему такая горячая особа нуждается в спасении?

— Отпустите меня, — произнесла сквозь зубы Дженис, услышав, как за ее спиной Изобел открыла окошко кареты. — Я дочь маркиза.

— Все вы так говорите, — усмехнулся негодяй, заводя ее руку ей за спину. — Но должен вас предостеречь: если возлагаете какие-то надежды на объяснение с герцогом, которого преследуете, то вас ждет разочарование. Если вы благоразумны, то уедете сразу же, как только очистится дорога. — Он умолк, но только для того, чтобы окинуть всю ее фигуру, от головы до пят, оценивающим взглядом.

Дженис не осталась в долгу и в свою очередь смирла его самым надменным, на какой оказалась способна, взглядом, вложив в него все имевшееся в ее распоряжении презрение. И тут случилось неожиданное: он вдруг впился в ее губы, да так сочно и непристойно, что она чуть не потеряла сознание.

В то же мгновение ее отношение к поцелуям чудесным образом изменилось. Поразительно, как превосходно ее губы слились с его губами за несколько кратких секунд, прежде чем к ней вернулась способность соображать и она попыталась ударить нахала коленом в промежность, но попала только в бедро.

— Какого дьявола? — Он отшатнулся и сердито уставился на нее, не выпуская ее рук, которые все еще удерживал, словно в тисках, у нее за спиной.

— Теперь вам понятно, — задыхаясь, произнесла Дженис, — что я здесь действительно только для того, чтобы повидать вдовствующую герцогиню, безрассудный негодяй?

Их разделял падающий снег, и у нее возникло странное ощущение, будто все происходит во сне. «Это он», — твердило сердце, ее глупое несмышленное сердце, хотя губы горели, горло сжимала слепящая ярость, а мозг мгновенно отнес его к разряду никудышных.

«Непохожий на остальных» — так сказала мама о мужчине, которого она когда-нибудь отыщет. Кто, как уверяла ее так же и Марша, непременно встретится однажды на ее пути, несмотря на то что после прискорбного случая с Финном Латтимором, потрясшего ее до глубины души, она перестала доверять всем мужчинам без исключения.

Но Люк Каллахан — этот дерзкий грум — не мог быть этим мужчиной, ведь он даже не джентльмен. Ни в малейшей степени.

— Значит, я ошибся, — усмехнулся нахал.

— Определенно. — Она попыталась вырваться.

Он отпустил ее руки, но положил свои ладони ей на поясницу и, теснее прижав к себе, сказал в своей обычной развязной манере:

— Черт побери! Вы настолько соблазнительная ошибка, что я ни о чем не жалею. — Он внимательно взгляделся в ее лицо. — А вы жалеете? Вам бы хотелось, чтобы я с самого начала не усомнился в том, что вы благородная леди?

Дженис в растерянности заморгала и прошептала:

— Я не могу ответить. И с вашей стороны низко об этом спрашивать.

Он громко расхохотался:

— Вы мне нравитесь, леди Дженис. Вы и ваша служанка из цирка. Между прочим, она внимательно наблюдает за нами. Не будем обращать на нее внимания, верно? —

И с озорным блеском в глазах Каллахан наклонился и снова поцеловал Дженис.

Что она делает?

Но он очень приятный... такой приятный! Если мужчину можно назвать приятным в том смысле, в каком она называла приятным теплый огонь, или чашку горячего шоколада, или... рот, который говорил с ней без слов, подобно его рту.

«Ты создана для любви».

«Ты соблазняешь меня».

«Я хочу тебя».

Безмолвные послания, пробуждавшие в ее теле ощущения, которых она не испытывала еще никогда в жизни. Дженис дрожала, как новорожденный ягненок, глаза ее были закрыты, но окружающий мир внезапно расцвел, как весенний луг.

Губы его нежно, но настойчиво льнули к ее губам, однако все ее мысли занимала лишь надежная твердость этого крепкого тела — мощной груди, и живота, и сильных бедер, со спокойной уверенностью прижимавшихся к ней.

«Бедра мистера Каллахана».

Дженис и вообразить не могла, что когда-нибудь произнесет эти слова, даже мысленно.

Да уж, жизнь полна неожиданностей.

Глава 2

Через двадцать минут, когда они наконец прибыли в усадьбу Елизаветинской эпохи, принадлежащую герцогу Холси, губы Дженис все еще горели. Кружившиеся в воздухе снежинки практически вскипали в то самое мгновение, как касались их. Она не могла даже предположить, что страсть между мужчиной и женщиной может вспыхнуть так быстро, и где — на раскисшей слякоти на дороге, в снегопад, когда в холодном воздухе, наполненном запахом влажной шерсти и выделанной кожи, от дыхания образуются облачка.

Это поразительное открытие она готова была обдумывать дни напролет, недели, месяцы.

Вот почему она испытала немалое облегчение, увидев, что дом остался равнодушным к ее присутствию, как и любое аристократическое нагромождение камней в Англии. Достаточно ей сюрпризов на сегодня. Усадьба герцога станет отличным местом, чтобы скоротать время, а потом она внезапно опомнится и осознает, что целый месяц потратила на вышивание подушек, музицирование и скрашивание досуга старой больной женщины, в то время как бурная жизнь внешнего мира шла своим чередом, но мимо нее.

— Что с вами, миледи? — воскликнула Изобел, наморщив лоб. — У вас такой вид, будто вы того и гляди хлопнетесь в обморок.

Дженис, не спуская глаз с усадьбы, мрачно произнесла:

— Мне не нужен герцог.

— Конечно, не нужен, — согласилась Иззи. — Все, что вам нужно, — это забыть на время об остальном мире. Я права, миледи?

— Да, — печально вздохнула Дженис. — Я устала стараться оправдать всеобщие ожидания.

— И вы думаете, что лучшее место, чтобы забыть об этом, — объятия красавца грума.

— Пожалуйста, не напоминай о нем. — Сердце Дженис заныло от обескураживающей смеси гнева и страстного желания. — Я непрестанно думаю об этом. О нем. Чтоб ему пусто было, этому мистеру Каллахану. И тебе тоже, Иззи, за твою проницательность. Ты не должна никому ничего рассказывать. Смотри, если узнаю...

— Никому не скажу, обещаю. Хотя... — Служанка быстро оглянулась через плечо. — Должна вам сказать, та пощечина, которую вы ему вlepили, была самым захватывающим зрелищем, какое мне довелось когда-либо видеть. Все шло так хорошо до этого момента.

Дженис вздохнула:

— Мне бы хотелось, чтобы ты смотрела на это по-другому.

— Интересно, как? Мне казалось, будто я смотрю спектакль и наблюдаю за свиданием двух идеальных влюбленных на сцене, если не принимать во внимание, что один из них необычайно красивый дерзкий грум, а другая — благородная леди. Вот это было совершенно неприлично. Противоречило всем правилам пристойности, а потому и выглядело еще более захватывающим. А затем вы...

— Я знаю: мне следовало его ударить. Он... Ох, не бери в голову. — А что «он»? Он тогда погладил ягодицы, и из ее горла, как ни странно, невольно вырвался громкий стон. Даже теперь, когда Дженис вспомнила об этом, ее бросило в жар, и она смущенно огляделась.

— Понимаю, миледи, — заверила Изобел. — Я собственными ушами слышала, как он рассмеялся, а затем сказал, чтобы вы отвесили пощечину также и герцогу, если он посмеет к вам прикоснуться.

Дженис почувствовала раздражение при одном воспоминании об этом.

— Сколько раз, по его словам, он получал пощечины прежде? Сто?

— Нет, миледи. Он сказал, эта была единственная. За все время. И ему ваша реакция понравилась. — Изобел захихикала.

— Он так сказал, чтобы позлить меня. Если бы он и вправду перецеловал по меньшей мере сотню женщин, наверняка нашлась бы хоть одна, которая поставила бы его на место.

— Ой ли? — игриво воскликнула Изобел. — Возможно, он так хорошо целуется, что им это и в голову не приходило. По правде говоря, я бы на этом не остановилась: вы застонали от удовольствия, а я так и вовсе лишилась бы чувств.

— Иззи! Побойся Бога, я вовсе не застонала, а... просто пыталась вырваться... вроде того... как только услышала грохот герцогской кареты...

Но служанка лишь бросила на нее недоверчивый взгляд и отвернулась в сторону позаимствованного из собственных конюшен герцога экипажа понаблюдать за Оска-